

## ДОВЕРИЕ К ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2021 г. А. И. Экимов

*Российский университет дружбы народов, г. Москва*

*E-mail: Rospravo@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

**Аннотация.** В статье исследуется проблема доверия к юридической науке в России в разные исторические эпохи. Уровень доверия к ней, как подчеркивает автор, напрямую связан с адекватным отражением в ее теоретических позициях и практических рекомендациях интересов и ценностных ориентаций народа, в т. ч. легитимной политической элиты. В современном мире, переживающем эпоху глобализма и турбулентности, получают поддержку представления о неизбежности утраты доверия к «национальному праву». Однако в России, для которой ее суверенитет является непререкаемой ценностью, в юридической науке укрепляется противоположная тенденция — к сбережению идеи гражданского общества, в котором возникающие конфликты разрешаются при строгом соблюдении прежде всего национальных правовых процедур. Роль юридической науки, освобожденной от псевдознаний и заблуждений, в этих условиях трудно переоценить.

**Ключевые слова:** доверие, интеллигенция, правовая идеология, правовой закон, правовые процедуры, революция, Россия, юридическая наука, юридическое образование, общественное мнение, юридические нормы, правовые ценности.

**Цитирование:** Экимов А.И. Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.

DOI: 10.31857/S102694520015037-1

## TRUST IN LEGAL SCIENCE IN RUSSIA: METHODOLOGICAL AND PRAXEOLOGICAL ISSUES

© 2021 A. I. Ekimov

*RUDN University, Moscow*

*E-mail: Rospravo@mail.ru*

Received 11.05.2021

**Abstract.** The article examines the problem of trust in legal science in different historical epochs in Russia. The level of trust in it is directly related to the adequate reflection in its theoretical positions and practical recommendations of the interests and value orientations of the people, including the legitimate political elite. In the modern world, going through the era of globalism and turbulence, the idea of the inevitability of the loss of confidence in “national law” is supported. However, in Russia, for which its sovereignty is an indisputable value, the opposite tendency is strengthening in legal science, aimed at preserving the idea of a civil society, in which emerging conflicts are resolved with strict adherence to national legal procedures. The role of legal science, freed from pseudo-knowledge and delusions, in these conditions can hardly be overestimated.

**Key words:** trust, intelligentsia, legal ideology, legal law, legal procedures, revolution, Russia, legal science, legal education, public opinion, legal norms, legal values.

**For citation:** Ekimov, A.I. (2021). Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological issues // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 63–72.

Проблема доверия к юридической науке нечасто обсуждается правоведами, прежде всего потому, что сравнительно недолго существует и сама юридическая наука<sup>1</sup>. Вопрос о времени ее формирования до сих пор остается дискуссионным. Хотя если обратиться к Дигестам императора Юстиниана, то уже в них речь идет о тех, кто занимается законотворческой практикой, и об этапах получения юридического образования студентами в различные годы обучения<sup>2</sup>. Изучающему право, согласно Дигестам, надлежало знать, что право получило свое название от (слова) «справедливость», а итогом изучения права должно стать знание публичного права, относящегося к положению Римского государства, и частного права, имеющего в виду пользу отдельных лиц<sup>3</sup>. Около 1087 г. в Европе был открыт первый в ее истории университет (в г. Болонья), в котором изучались тексты, составленные императором Восточной Римской империи Юстинианом. Они преподавались как некий целостный свод знаний о праве, а юридические решения трактовались как своего рода правила, повелевающие даже волей правителей: монарх не мог творить законы иначе, как в порядке, предусмотренном законом. Известный шведский правовед Э. Аннерс подчеркивал, что уже в то время стали складываться правовые идеологии, отступления от которых считались просто «безнравственными и бесплодными»<sup>4</sup>. Но все же профессия юриста появилась только тогда, когда, по мнению выдающегося американского юриста Г. Бермана, право стали изучать в университетах. Именно здесь юристы начали создавать науку права, вырабатывать общезначимое понимание ее принципов и аксиом. «Буквально все современные западные правовые системы, — писал Г. Берман, — родились прямо в середине... средних веков»<sup>5</sup>. Несмотря на то что многие элементы научного понимания права к тому времени уже имели место, но такие его имманентные черты, как обязывающий характер закона для всех

без исключения, восприятие права как единого организма, автономность норм права по отношению к морали, политике и религии в системе социальных регуляторов, профессиональная подготовка юристов и научность в основе их деятельности, окончательно проявили себя лишь в XVI в. Следует отметить, что в Парижском университете, основанном в середине XII в., получили обоснование идеи светского государства и верховенства закона, блистательно аргументированные выдающимся средневековым ученым Марсилием Падуанским. Именно он ввел в научный оборот понятие разделения властей на законодательную и исполнительную<sup>6</sup>. В течение столетий, как указывал французский правовед Рене Давид, наука права была направлена на выявление принципов и положений справедливого права, соответствующего воле Бога, человеческой природе и разуму. Но она была оторвана от национального права. В университетах считали единственно благородным и нужным изучение и преподавание только «настоящей науки», метода, при помощи которого можно открыть основы общей для всех стран справедливости<sup>7</sup>. О создании юридической науки в полной мере стало возможным говорить, когда начался период теоретического осознания права. Отныне право уже представлялось не как непрерывная цепь случайностей в законотворческой деятельности, которая связана с прошлым лишь в виде воспроизведения каких-то его фрагментов, но и в подчинении всего законотворчества неким единым правилам, хотя бы в духе естественного права. Для того чтобы такое подчинение имело место, формировалась идея автономности права по отношению ко всем иным социальным явлениям, понимание того, что такое право должно быть уделом профессионалов — юристов. Именно это и произошло, по убеждению Г. Бермана, в XVI в. Только теперь получают свое развитие искусства формулировки правовых норм, способов их классификации, группировки.

Выдающийся германский правовед, один из предвестников социологической юриспруденции Р. Иеринг различал две ступени в эволюции юриспруденции, первую называл «низшей», или «юридической техникой», а вторую — «высшей». Только на высшей ступени, утверждал он, юриспруденция достигает «своего прямого назначения, только здесь задача и метода ее становятся специфически юридическими, и только здесь она

<sup>1</sup> См., напр.: Кроткова Н. В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31; Жуков В. Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24; Веденеев Ю. А. Открытие юриспруденции: эпохи и стиль // Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. № 1. С. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0.

<sup>2</sup> См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 39–43.

<sup>3</sup> См.: там же. С. 83.

<sup>4</sup> Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 160.

<sup>5</sup> Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 55.

<sup>6</sup> См.: Марсилиус Падуанский. Защитник права. Defensor pacis / пер. с франц. Б. У. Есенова. М., 2014.

<sup>7</sup> См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 25.

приобретает своеобразный научный характер, отличающий ее от всех прочих наук»<sup>8</sup>.

Не вступая в дискуссию о времени появления юридической науки на Западе, остановимся на ее зарождении в России. Свой исторический путь она начала в Древней Руси в форме прикладной юриспруденции и долгие годы имела исключительно практический характер: знание законов, способов классификации правовых норм, умение формулировать их и толковать приобретались преимущественно при составлении различного рода деловых бумаг и в процессе осуществления правосудия<sup>9</sup>. Но это все еще не юридическая наука, а прикладная юриспруденция.

Ситуация начала изменяться только в XVIII в., когда о пользе университетов стали демонстративно рассуждать и российские правители. В 1725 г. по проекту Петра Великого было решено создать в Санкт-Петербурге по западному образцу Академию наук, а при ней университет и гимназию. В университете начали профессиональную подготовку юристов, хотя полностью отсутствовали национальные научные кадры, а занятия велись исключительно на латыни. Число обучавшихся было крайне незначительным. Поэтому в правление императрицы Екатерины II Академический университет трансформировался в духовную семинарию, а затем и вовсе был ликвидирован, «не оставив в документах точной даты своего конца»<sup>10</sup>. И тем не менее начала юридического образования и юридической науки в России были заложены именно в Академическом университете. Самостоятельный университет был создан в Санкт-Петербурге лишь в 1819 г. Нынешний Санкт-Петербургский университет, несмотря на длительный перерыв в его работе, считает датой своего основания 1725 г. и, таким образом, становится старше Московского университета, который был основан в 1755 г. Оценка значимости возникновения юридического образования в России дал Н.М. Коркунов в конце XIX в. «Русскому юристу, — подчеркивал он, — стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> Подробный анализ этой проблемы см.: Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретация. М., 2018. С. 217–219.

<sup>9</sup> См.: Томсинов В.А. История русской юриспруденции. X–XVII века: учеб. пособие. М., 2017.

<sup>10</sup> Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 16.

<sup>11</sup> Коркунов Н.М. История философии права: пособие к лекциям. 6-е изд. (без перемены). СПб., 1915. С. 245.

Из числа студентов Академического университета был наиболее известен А.Я. Поленов как переводчик на русский язык сочинения Ш. Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка». В работе «О крепостном состоянии крестьян в России», написанной в 1767 г. и опубликованной из-за цензурных препятствий лишь в 1865 г., он резко выступил против крепостного права. «О сем, — писал А.Я. Поленов, — никто не будет сомневаться, что естественное право, от самого создателя в сердца наши влиянное, для совершенства своего причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию...»<sup>12</sup>. Отметим, что это говорилось в то время, когда даже такие известные его современники, как историк и философ М.М. Щербатов, философ-моралист А.Д. Болотов, поэт Г.Р. Державин идеализировали крепостной строй. А.Д. Болотов придумал даже собственную «методу сечения» крепостного: чтобы не доводить дело до его убийства, надобно было сечь «порциями, с интервалами в несколько дней, во время которых осужденный на сечение отдыхает на цепи»<sup>13</sup>. А полководец А.В. Суворов просил своего новгородского управителя прислать ему крестьянских девок и везти их на крестьянских подводах, «как возят кур, не очень сохранны»<sup>14</sup>. Сознание того, что крепостной такой же человек, было чуждо даже самой образованной части дворянства. Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьев сожалел о том, как крайне медленно в России шел процесс пересмотра представлений о ценности крепостного права «в глазах даже лучших людей». Для этого понадобились оценки крепостничества как «печати зла»<sup>15</sup> и «представление научное о государстве»<sup>16</sup>. С позиции сегодняшнего дня нужно воздать должное гражданскому мужеству наших правоведов, которые, находясь под тяжестью господствующего общественного мнения, открыто призывали к отмене крепостного права еще за 100 лет до наступления этого славного события.

<sup>12</sup> Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века: хрестоматия / сост. Б.В. Емельянов. Свердловск, 1990. С. 116.

<sup>13</sup> Цит. по: Фирсов Н.Н. Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921. С. 23, 24. О чудовищном положении крепостных см.: Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. М., 2011.

<sup>14</sup> Князьков С.А. Как сложилось и как пало крепостное право: исторический очерк. СПб., 1900. С. 53.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 98–100.

Систематическое юридическое образование в России на русском языке началось лишь с созданием в 1755 г. Московского университета. Появление в этом университете русских правоведов было весьма знаменательным фактом в истории отечественной юридической науки. Согласно Г. Берману, изучавшему вопрос о том, что представляет собой юридическая наука, она должна решать триединую задачу: интересоваться прикладными вопросами права, быть теоретической юриспруденцией и заниматься подготовкой юридических кадров<sup>17</sup>. Этим условиям со временем стало отвечать и наше правоведение.

В основу преподавания для первых студентов-юристов в России была положена теория естественного права, излагаемая на основе трудов западных юристов и философов и «юстиниановых кодексов». И тем не менее постепенно накапливалось большое количество оригинальных материалов. Так, серьезной критике теория естественного права подверглась в трудах проф. С.Е. Десницкого «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768). Основой власти при всех формах правления ученый считал богатство. Рассматривая прикладные вопросы права, он резко выступал против чрезмерно суровых мер наказания (колесование и проч.), против места как цели наказания, подчеркивал воспитательное значение суда. «Так, уже первый представитель русской юридической кафедры, — напишет впоследствии Н.М. Коркунов, оценивая труды С.Е. Десницкого, — был проповедником идеалов жизненной правды и света гласности»<sup>18</sup>.

Одним из знаменитых учеников С.Е. Десницкого был З.А. Горюшкин, человек высокого гражданского мужества. Он смело выступил против осуждения московских книгопродавцев, у которых была обнаружена запрещенная литература, изданная в Вольной типографии выдающегося русского просветителя И.Н. Новикова, основавшего первый в истории России философский журнал «Утренний свет» (1777–1780). Как и Десницкий, он был противником естественно-правового направления, к которому принадлежало большинство современных ему профессоров юридического факультета Московского университета. Основой его представлений о праве был не индивид, а общество. И даже частное право он выводил из понятия общества.

Так, вопреки имевшему хождение мнению, что русская юридическая наука — это только слепок с западноевропейской науки, у нее сразу

проявились собственный характер и собственное видение права. На фоне взглядов упомянутых профессоров остается сказать, что даже сторонники естественного права, которых было немало в России в то время, вносили достойный вклад в юридическую науку. Особенно в этом плане привлекает фигура А.П. Куницына, чьи лекции в Царском-Сельском лицее вызывали восхищение будущего поэта А.С. Пушкина. Хотя они и были построены на основе талантливого изложения взглядов Руссо и Канта, но содержали радикальные политические выводы, которые привлекли внимание будущих декабристов.

«Золотой век» российской юридической науки начался позже, когда вернувшаяся из зарубежной командировки для подготовки к профессорскому званию группа отечественных правоведов приступила к преподаванию в императорских университетах. Вторая половина XIX столетия заполнена трудами правоведов, которыми может гордиться российская юридическая наука. Сформировавшиеся школы юристов — в Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах — постепенно накладывали свой отпечаток на правосознание образованной части российского общества. Особенно это стало заметно в последней четверти XIX — начале XX в. Утвердившиеся в юридической науке методы изучения права (исторический, сравнительно-правовой и критико-догматический) возвысили в глазах самих правоведов общесоциальный смысл их исследований. Юридические факультеты в дореволюционной России постепенно становились центрами обсуждения глубоких социальных перемен, в которых нуждалось общество. Н.М. Коркунов, один из самых ярких представителей отечественной юридической науки последней четверти XIX в., говоря о роли права в предстоящей перестройке в России (именно этот термин «перестройка» он использовал), писал: «Все право есть исторически сложившееся и исторически слагающееся. Каждый данный юридический порядок есть порождение своего времени и должен исчезнуть вместе с ним. Все юридические институты не только многократно изменялись, прежде чем достигли своей структуры, но и в будущем должны также изменяться и при том не только изменяться, но и заменяться один другими. Меняются не только формы юридических институтов, но и сами институты. Право подчиняется в своем развитии, как и все в мире, известным законам»<sup>19</sup>. Отечественные правоведы XIX — начала XX в. разделяют выводы о необходимости разделения властей, призывают к соблюдению законности, уточняют положения

<sup>17</sup> См.: Берман Г. Указ. соч. С. 51.

<sup>18</sup> Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий — первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 31.

<sup>19</sup> Коркунов Н.М. Сборник статей. СПб., 1898. С. 18.

о правовом государстве<sup>20</sup>. Но нельзя сказать, что вследствие этого юридическая наука обрела доверие большинства общества. В условиях тотальной безграмотности населения ее разработки повисали в воздухе. Единственное, что ощущали люди, — массовое беззаконие и произвол.

Показательно письмо гениального русского мыслителя Л.Н. Толстого к студенту-юристу Санкт-Петербургского университета Ис. Крутику по поводу учения о праве Л.И. Петражицкого. В своих лекциях Л.И. Петражицкий утверждал, что в каждой человеческой жизни существуют этические переживания двух типов: нравственные и правовые, и соответственно им формируется моральная, беспритязательная психика индивида и его притязательная, правовая психика. Без такого императивно-атрибутивного фундамента нет здоровой этики, а существует почва для разных, подчас отвратительных, уродливостей, указывал автор. Л.Н. Толстой с явным сарказмом комментировал учение Л.И. Петражицкого. Если рассуждать, писал он, «не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом “право”, то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. <...>. Большие миллионы простых людей, доверяя тому, что им внушают “ученые”, безропотно подчиняются той неестественной подавленной жизни, которая слагается для них вследствие этого проповедуемого и признаваемого “учеными” людьми обмана»<sup>21</sup>. Л.Н. Толстой поставил вопрос, который не потерял актуальности и ныне, об ответственности юридической науки перед обществом. Поскольку, как считал он, право — это обман, который более всего нравственно развращает людей, то совершенно недопустимо говорить и о воспитательном значении права. Л.Н. Толстой показал оторванность от жизни теоретических построений, навязываемых будущим служителям Фемиды.

Трудно не согласиться с изложенными взглядами мыслителя, если, конечно, не видеть в праве ничего, кроме зла, которое оно поддерживает в обществе. Но вопрос о социальной роли

права куда сложнее, чем предполагал Л.Н. Толстой. В праве дореволюционной России действительно его главной качественной характеристикой было принуждение, редко согласовывавшееся с требованиями справедливости для большинства людей. Но, как подчеркивал известный советский правовед М.С. Строгович, даже рабовладельческое право было полезно для всех, поскольку включало и некоторые общечеловеческие начала, общепризнанные нравственные постулаты и тем самым позволяло выявить масштабы принуждения к угнетенным слоям населения<sup>22</sup>. В этой части дореволюционное право, безусловно, пользовалось в большей или меньшей степени доверием всего общества. Говоря о дореволюционном правоведении, не следует игнорировать и ту его особенность, что знатоки права повсеместно входили в состав провластных общественных слоев, которые монополизировали юриспруденцию, закрепили за собой этот род деятельности<sup>23</sup>. Они и призваны были толковать правовые нормы.

В моменты противоборства реакционных и прогрессивных социальных сил право становилось тормозом в развитии общества. Тогда оказывались скомпрометированными и прежние господствующие правовые теории, утрачивалось к ним доверие. Так произошло в нашей стране дважды в XX в. Главный недостаток правовых теорий проф. П.И. Новгородцев в начале нового столетия видел в отрыве интеллигенции от народа. Народу и интеллигенции, подчеркивал он, надо быть вместе в служении общему делу, стоящему выше народных желаний и интеллигентских теорий<sup>24</sup>. По существу, такая же оценка всей общественной науки эпохи царизма была дана профессором кафедры социологии Петербургского университета, юристом по образованию П.А. Сорокиным. На торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. ученый подчеркивал, что эпоха Петра, закрепостившая народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия, стала причиной того, что страна оказалась на распутье, а «отцы» (прежние поколения ученых) не могли никому помочь, поскольку сами оказались банкротами: «их опыт в форме традиционного российского мировоззрения русской интеллигенции оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было»<sup>25</sup>. П.А. Сорокин, намечая пути в будущее, предлагал не брать с собой в дорогу «суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то “буржуазных”, то

<sup>20</sup> Об истории политико-правовых идей этого периода см.: Жуков В.Н. Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015. С. 139–294.

<sup>21</sup> Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 38. С. 45–65.

<sup>22</sup> См.: Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 241.

<sup>23</sup> См.: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 18, 19.

<sup>24</sup> См.: Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 436.

<sup>25</sup> Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 244.

«пролетарских», которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов»<sup>26</sup>.

Как напишут наши современники, за то, что в России в 1917 г. произошла революция, ответственна и «российская элита, в том числе юридическая, которая чуть ли не в едином порыве призывала: пусть скорее грянет буря»<sup>27</sup>. Сохранилась к тому времени и главная беда отечественной юридической науки — оторванность от жизненных идеалов народа.

Непростым был для народа путь к доверию новым правовым теориям и после падения царизма: сначала после Октябрьской революции 1917 г., которую возглавили большевики, а затем после августовской революции 1991 г., которую возглавили либералы. В первом случае к рычагам государственной власти пришли социальные слои, которые приняли идею уничтожения эксплуатации человека человеком и отмирания (хотя и в далеком будущем) государства и права. После революции 1917 г. теоретики права боролись за чистоту малопонятной для большинства населения марксистской правовой идеологии<sup>28</sup>. Октябрьская революция проходила в ситуации, когда презрение к закону в стране достигло наивысшего уровня. Подверглись атакам такие атрибуты права, как научность его норм и профессионализм исполнителей законов, автономность правовых норм по отношению к политике. Все правовое было объявлено мерой политической, что также не укрепляло доверие к праву<sup>29</sup>.

Известно, что каждый государственный переворот (а Октябрьская революция вначале и выглядела как переворот) ищет своей легитимации в каких-то событиях прошлого либо в неких фундаментальных закономерностях общественного развития, либо, наконец, просто в народной мечте о светлом будущем. Один из величайших мыслителей XIX столетия К. Маркс считал, что революция представляет собой глубочайшую социально-экономическую, политическую и идеологическую трансформацию общества и человека. Для того чтобы ей утвердиться, требуется не одно десятилетие, в т.ч. и для того, чтобы преодолеть

свои неудачи и исправить свои промахи. Октябрьской революции не удалось, как хотелось ее вождям, одновременно отменить старые законы. Более того, провозглашенное новое право раз за разом возрождало поспешно отвергнутые элементы прежней правовой идеологии. По существу, подтверждалось наблюдение естественно-правовой школы, что законы всех государств, существовавших и существующих в разное историческое время и на разных континентах, как бы взяты из одного иррационального источника.

После Октябрьской революции для того, чтобы не воспроизводились старые методы подготовки юристов, были на некоторое время даже ликвидированы юридические факультеты в университетах — в полном согласии с идеей Л.Н. Толстого, что старые профессора только и делают, что обманывают народ. На место прежних правовых теорий, провозглашавших абстрактную справедливость права и абстрактную законность, пришли теории о революционном правосознании и революционной законности с сильным налетом правового нигилизма. Но со временем пришлось перестроиться и сформировавшейся в таких условиях советской юридической науке: она фактически отказалась от понятий «революционная законность», «революционная целесообразность» и «революционное правосознание», предпочитая говорить о социалистическом правосознании и социалистической законности. Медленно идея революционной целесообразности применения норм права уступала свои позиции понятию законности. Прав был Гёте: «Во всем большем есть постепенность, а не внезапность и мгновенность»<sup>30</sup>. Лишь через полвека после Октября 1917 г. заметное место в советской юридической науке заняли понятия свободы, справедливости и моральных ценностей. Казалось бы, население в такой юридической науке обрело достойную мировоззренческую платформу. Но мощным оппонентом теоретическим воззрениям советских правоведов стала юридическая практика, которая во множестве случаев даже правильные правовые идеи совсем не волшебным способом превращала в нечто противоположное. Советские правоведы во имя защиты «светлого будущего» страны идеализировали действующее право, писали не о том, что есть, а о том, что должно быть, и при этом изображали будущее как уже наступившую реальность сегодняшнего дня. Так и следует понимать в наше время многие рассуждения советских специалистов о праве. Не отвергать их одним махом, а понимать хитрость тогдашней эпохи. Выдающийся правовед Д.А. Керимов одним из первых в советской литературе связал право с пониманием

<sup>26</sup> Сорокин П. Указ. соч.

<sup>27</sup> Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 17.

<sup>28</sup> Методологически выверенный обзор достижений и заблуждений советских юристов относительно проблем юридической науки содержится в: Кроткова Н.В. Журналу «Государство и право» — 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28.

<sup>29</sup> См., напр.: Кроткова Н.В. Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10. С. 27–54; № 11. С. 5–31; № 12. С. 5–27.

<sup>30</sup> Гёте И.В. Фауст: трагедия. М., 1982. С. 301.

свободы и законности<sup>31</sup>. Разумеется, речь, по существу, шла не о реальной свободе и реальной законности, а о той, которой в идеале должны отвечать правовые институты. Как не вспомнить слова акад. Б.В. Раушенбаха: «Наука всегда рассматривает “идеализированные” задачи, и в этом она всегда “неправа”»?!<sup>32</sup> Тем более что она никогда не сможет взять в учет все факторы и обстоятельства, в рамках которых протекает жизнь права. Подлинная наука права всегда имеет дело с непознанным. Но приходит время, и люди становятся всерьез озабочены тем, как осуществить нереализуемые прежде идеи. И они реализуются. Тогда-то наступает новый день науки, хотя бы в части обсуждаемой проблемы. Поэтому, читая, как казалось в нашем советском прошлом, идеологизированные суждения правоведов царского периода, стоит задуматься, а что, если в них, чтобы избежать преследований со стороны властей, речь шла не о настоящем, а о том будущем, которое придет на смену несовершенному настоящему.

Понимание будущего всегда зависело от духовного мира людей, от их готовности увидеть в будущем то, чего нет и что, возможно, никогда не наступит. Может быть, правы те, кто считает, что наука открывает в конце концов только то, что «душа давно уже знает». Общество всегда чувствует провал между тем, что юридическая наука провозглашает как уже достигнутое, и тем, какова реальность. Это как раз и стало одной из причин краха Советского государства и советского права в той их форме, в которой они существовали. Но главная причина гибели советской правовой системы, как и иных правовых систем, видимо, в том, что она вовремя не смогла измениться. Важно тщательно разобраться в этой проблеме, обозначаемой словом «вовремя», чтобы не повторить прошлых ошибок.

Либеральная августовская революция 1991–1993 гг. обещала преодолеть разрыв между научными теориями и реальной государственно-правовой практикой. Были признаны в качестве «единого лекала» ценности, подходы (способы) к решению задач, выработанные в пределах западной цивилизации, объявившей себя победителем в «холодной войне»<sup>33</sup>. Либеральную демократию и рыночную экономику стали считать единственно правильной моделью будущего развития России. Самоограничение суверенитета, а не отстаивание национальных интересов в 90-е годы легло в основу

внешней политики государства. Получила распространение теория правового государства, которая пыталась обрести авторитет еще в дореволюционной России. Появились специализированные институты защиты прав человека. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.), провозгласила, что человек, его права и свободы являются основной ценностью. Правоведы с неподдельным пафосом писали об успехах новых правовых идеологов. Но, как известно, даже бочку меда нетрудно испортить ложкой дегтя. И этой ложкой стало применение права. Общество сравнительно скоро осознало, что суды, едва ли не главный несущий элемент конструкции правового государства, при отсутствии полноценного гражданского общества из независимых институтов способны легко трансформироваться в проводников интересов государственной номенклатуры или, что еще хуже, криминала. Кстати, кто же в нашей стране победившего либерализма способствовал такому разрыву демократии? Как ни странно, этим общество обязано отечественным либералам, которые в революционном порыве уничтожали принципы формирования судов как коллективных органов. Суды превращались в институты единоличных судей. Забыта была старая истина, что и судье ничто человеческое не чуждо. Корыстолюбие, взяточничество и другие природные недостатки личности, если им не поставить заслон, становятся той ржавчиной, которая разъедает и суды, и всю политическую систему. Бесконечными, а теперь и скучными стали разговоры о реформировании судов. И здесь, отметим особо, допускается серьезная методологическая ошибка: упускается из виду, что суды — это лишь составная часть политико-правовой системы общества. Невозможно их реформировать, не реформируя соответствующие политико-правовые институты. Тем временем народное правосознание инстинктивно или на конкретных примерах осознает любую несправедливость, исходящую от судов, и перестает им доверять в той мере, в какой этого желали бы власти.

Ныне, как никогда прежде, становится ясным, что правовая наука должна быть вместе с теми, чьи взгляды она призвана выражать, формулировать, отливать в правовые формы. У доверия к правовой науке есть две особенности: трудно завоевать доверие народа к ней, но очень легко его потерять. Теперь, возможно, острее, чем когда-либо в прошлом, становится очевидно, что никакие правовые теории не будут значимыми для народа, если они трансформируются в непонятную для него юридическую практику. Конечно, абсолютного доверия к юридической науке в принципе быть не может, но зато может сложиться относительное доверие, доверие с оглядкой: «доверяй, но проверяй!».

<sup>31</sup> См.: Керимов Д.А. Свобода, право и законность. М., 1960.

<sup>32</sup> Раушенбах Б.В. Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 2003. С. 239.

<sup>33</sup> Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7.

Даже относительное доверие к науке права не устанавливается раз и навсегда. Ключевой вопрос юридической науки — формирование общественного мнения, которое доверяет ей. Но такова наша традиция, что по большей части общественное мнение в стране — это мнение тех, кого редко спрашивают и еще реже слышат. Между тем в гражданском обществе общественное мнение скрепляется общими идеями, общим пониманием интересов народа. В юридической науке, как и во всякой другой гуманитарной науке, огромную роль играют личностное знание и личностное отношение к полученным знаниям, к желанию и умению отстаивать юридическую истину в конкретных жизненных обстоятельствах. А это на практике может быть связано и с риском для ученого. Недаром в современной философской литературе появилось понятие «человек риска»<sup>34</sup>. В условиях антидемократических юристам вообще опасно проявлять гражданское мужество. Чего стоят в этом отношении преследования советских юристов в 20–30-е годы прошлого века, подозревавшихся в нарушении господствующей догмы?! Когда наступают времена единственно правильного мнения, это крайне негативно отзывается на биографии юриста, вверяющего свою судьбу делу служения правды и справедливости.

Хорошая юридическая наука должна благоприятно изменять юридическую практику. В последние годы стало ясно, что нужны не только хорошие нормы материального права, как на этом справедливо делали акцент либералы всех времен, но и процессуальные нормы, не допускающие толкования материальных норм в иных смыслах, чем те, которые предусмотрены Конституцией РФ, нужны знающие и честные исполнители правовых норм, а также авторитетные структуры гражданского общества, которые занимаются мониторингом качества исполнения норм. Нашему обществу еще предстоит осознать, что в праве процессуальный момент самый «доминантный». Если его возможности в этом отношении искусственно сужаются, то нет смысла ожидать, что правоприменение когда-либо будет справедливым не в частностях, а в его системном целом. Юридическая наука вбирает в себя опыт применения норм права — и положительный, и отрицательный. Разрыв между тем, что рассказывают от имени науки о состоянии права в стране, и тем, каким оно является в действительности, есть своего рода форма и этап воспитания правового нигилизма у населения.

И еще одна проблема — самоуважение отечественной юридической науки, выработка

уважительного отношения к своим собственным оценкам. Известно, что в Российской Федерации (в отличие от советского периода) существует множество юридических журналов. Но сложилось мнение, что наши ученые для получения ученых степеней обязаны публиковать свои материалы в журналах под индексами Web of Science или Scopus. Можно понять это требование как желание познакомить зарубежную общественность с российскими проблемами и достижениями. Но нельзя не обратить внимание и на другую сторону этой ситуации. У общественности, видимо, не желая того, создается впечатление о какой-то второсортности отечественных публикаций. Но на деле не так уж и важно, в каком печатном издании опубликована данная работа. Питирим Сорокин с неподдельной иронией приводил пример, когда один выдающийся американский журнал отказался опубликовать его статью, а другой, не менее выдающийся журнал немедленно напечатал ее. А затем эта работа, пишет автор, «не раз была переведена и напечатана иностранными журналами. Вот и все об этом юмористическом инциденте»<sup>35</sup>.

В целях выработки юридической наукой доверия к себе ей нужно адекватно воспринимать менталитет общества. Когда Россия входила в рыночную экономику, менталитет большинства наших сограждан был к этому еще не готов, он был выстроен для сотрудничества, но не для безжалостной конкуренции, пренебрежительного отношения к чужим интересам. Тогда и стало понятным, что у менталитета населения есть собственные закономерности, их невозможно автоматически изменить, даже изменив нормы права. Чтобы успешно управлять обществом с помощью права, необходимо принимать во внимание сознание, волю и настроения людей. Непрофессионализм и некомпетентность в рядах правотворческих и правоприменительных органов развращают общество, оставляют рядом с собой разочарование и безнадежность, потерю веры в лучшее будущее. Чтобы этого не случилось, сегодняшняя юридическая наука должна помогать политикам управлять государством. Ныне же наука и люди научного склада мышления не востребованы в той мере, как это необходимо. Настало время, чтобы высшие органы государственной власти и правовые учреждения в тесном единстве решали политические, экономические и социальные задачи. Управлять государством и не опираться на юридическую науку — значит умножать неудачи. Юридическая наука должна постоянно держать под своим прицелом действующие нормы права и их применение<sup>36</sup>.

<sup>35</sup> Сорокин П. Указ. соч. С. 222.

<sup>34</sup> Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009.

<sup>36</sup> См.: Сапун В.А., Турбова Я.В. Уровень доверия к праву и современная российская Конституция // Мир политики

Но юридическая наука всегда идет дальше узко-правовых проблем. Потому что основа настоящего права — правовой закон, являющийся главным источником правовых прогнозов. Научные исследования в области права никогда не приводят к драматическим переменам в обществе, но они способны предупреждать ненужные социальные конфликты, снижать давление в «социальном котле» противоречий, выявлять надуманные ценности, которые бессмысленно защищать. Надежной гарантией повышения доверия к юридической науке может быть широкое общественное обсуждение ключевых правовых идей, выдвигаемых учеными-юристами. Речь идет не о тонкостях юридических формулировок, которые являются уделом юристов-профессионалов, а именно о правовых идеях, которые должны быть понятны любому образованному человеку.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 160.
2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 51, 55.
3. *Веденеев Ю.А.* Открытие юриспруденции: эпохи и стиль // Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. № 1. С. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0.
4. Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 436.
5. *Гёте И.В.* Фауст: трагедия. М., 1982. С. 301.
6. *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретация. М., 2018. С. 217–219.
7. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 25.
8. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 39–43, 83.
9. *Жуков В.Н.* Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015. С. 139–294.
10. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
11. *Керимов Д.А.* Свобода, право и законность. М., 1960.
12. *Керимова Т.В.* Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009.
13. *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 16.
14. *Князьков С.А.* Как сложилось и как пало крепостное право: исторический очерк. СПб., 1900. С. 53.
15. *Коркунов Н.М.* История философии права: пособие к лекциям. 6-е изд. (без перемен). СПб., 1915. С. 245.
16. *Кроткова Н.В.* Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10. С. 27–54; № 11. С. 5–31; № 12. С. 5–27.
17. *Кроткова Н.В.* Журналу «Государство и право» — 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28.
18. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
19. *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий — первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 31.
20. *Коркунов Н.М.* Сборник статей. СПб., 1898. С. 18.
21. *Марсилиус Падуанский.* Защитник права. Defensor pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова. М., 2014.
22. *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века: хрестоматия / сост. Б.В. Емельянов. Свердловск, 1990. С. 116.
23. *Раушенбах Б.В.* Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 2003. С. 239.
24. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7.
25. *Сапун В.А., Турбова Я.В.* Уровень доверия к праву и современная российская Конституция // Мир политики и социологии. 2014. № 10.
26. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 98–100.
27. *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 222, 244.
28. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 241.
29. *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. М., 2011.
30. *Толстой Л.Н.* Письмо студенту о праве // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 38. С. 45–65.
31. *Томсинов В.А.* История русской юриспруденции. X–XVII века: учеб. пособие. М., 2017. С. 18, 19.
32. *Фирсов Н.Н.* Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921. С. 23, 24.
33. *Шахрай С.М.* Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 17.

и социологии. 2014. № 10.

## REFERENCES

1. *Anners E.* History of European law. M., 1996. P. 160 (in Russ.).
2. *Berman G.J.* The Western tradition of law: the epoch of formation. M., 1998. P. 51, 55 (in Russ.).
3. *Vedeneev Yu. A.* The Discovery of jurisprudence: epochs and style. 2020. No. 11. P. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. No. 1. P. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0 (in Russ.).
4. Milestones. From the depths. M., 1991. P. 436 (in Russ.).
5. *Goethe I.V.* Faust: a tragedy. M., 1982. P. 301 (in Russ.).
6. *Gorban V.S.* Jeringa legal doctrine and its interpretation. M., 2018. P. 217–219 (in Russ.).
7. *David R.* Major legal systems of today. M., 1988. P. 25 (in Russ.).
8. Digest of Justinian / transl. from Latin; res. ed. L.L. Kofanov. M., 2002. Vol. 1. P. 39–43, 83 (in Russ.).
9. *Zhukov V.N.* The state, law, and power: the philosophy and sociology. M., 2015. P. 139–294 (in Russ.).
10. *Zhukov V.N.* Jurisprudence as a science: return to the forgotten truths of the // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
11. *Kerimov D.A.* Freedom, law and legality. M., 1960 (in Russ.).
12. *Kerimova T.V.* Risk Man. Social and philosophical problems. M., 2009 (in Russ.).
13. *Knyazev G.A.* A brief outline of the history of the Academy of Sciences of the USSR. M; L., 1945. P. 16 (in Russ.).
14. *Knyaz'kov S.A.* How serfdom developed and how it fell: a historical essay. SPb., 1900. P. 53 (in Russ.).
15. *Korkunov N.M.* The history of the Philosophy of Law: a manual for lectures. 6<sup>th</sup> ed. (no changes). SPb., 1915. P. 245 (in Russ.).
16. *Krotkova N.V.* The state and the revolution. To the 100th anniversary of the Great October (All-Russian scientific conference) // State and Law. 2017. No. 10. P. 27–54; No. 11. P. 5–31; No. 12. P. 5–27 (in Russ.).
17. *Krotkova N.V.* Journal "State and Law" – 85 years // State and Law. 2012. No. 4. P. 11–28 (in Russ.).
18. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science (The "Round Table" of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow state University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
19. *Korkunov N.M.* S.E. Desnitsky – the first Russian Professor of law. SPb., 1894. P. 31 (in Russ.).
20. *Korkunov N.M.* Collection of articles. SPb., 1898. P. 18 (in Russ.).
21. *Marsilius of Padua.* Defender of the law. Defensor pacis / transl. from French by B.U. Esenov. M., 2014 (in Russ.).
22. *Polenov A. Ya.* O serfdom of the peasants in Russia // Russian philosophy of the second half of the XVIII century: chrestomatiya / comp. B.V. Emelyanov. Sverdlovsk, 1990. P. 116 (in Russ.).
23. *Rauschenbach B.V.* Idle thoughts. Essays. Articles. Memoirs. M., 2003. P. 239 (in Russ.).
24. *Savenkov A.N.* Global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2019. No. 4. P. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7 (in Russ.).
25. *Sapun V.A., Turbova Ya.V.* The level of trust in the law and the modern Russian Constitution // The world of politics and sociology. 2014. No. 10 (in Russ.).
26. *Solov'ev S.M.* History of Russia since ancient times. M., 1965. Book 14. P. 98–100 (in Russ.).
27. *Sorokin P.* Dalnyaya doroga. Autobiography. M., 1992. P. 222, 244 (in Russ.).
28. *Strogovich M.S.* Basic questions of Soviet socialist legality. M., 1966. P. 241 (in Russ.).
29. *Tarasov B. Yu.* Russia fortress. M., 2011 (in Russ.).
30. *Tolstoy L.N.* A letter to the student on the law // Tolstoy L.N. Complete works. M., 1936. Vol. 38. P. 45–65 (in Russ.).
31. *Tomsinov V.A.* History of Russian jurisprudence. X–XVII centuries: textbook. M., 2017. P. 18, 19 (in Russ.).
32. *Firsov N.N.* Pugachevshchina: the experience of socio-psychological characteristics. 2<sup>nd</sup> ed. M., 1921. P. 23, 24 (in Russ.).
33. *Shakhrai S.M.* Constitutional traps of history: was the revolution of 1917 inevitable? // Legal science: history and modernity. 2017. No. 5. P. 17 (in Russ.).

## Сведения об авторе

## ЭКИМОВ Анисим Иванович —

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

## Authors' information

## EKIMOV Anisim I. —

Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of theory of law and state, Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia